

EOC
EUROASIAN
ONLINE
CONFERENCES

ENGLAND CONFERENCE

**INTERNATIONAL CONFERENCE ON
MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND
EDUCATION**

Google Scholar

zenodo

OpenAIRE

doi digital object identifier

INTERNATIONAL CONFERENCE ON MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND EDUCATION: a collection scientific works of the International scientific conference – London, England, 2026. Issue 1

Languages of publication: Uzbek, English, Russian, German, Italian, Spanish

The collection consists of scientific research of scientists, graduate students and students who took part in the International Scientific online conference «**INTERNATIONAL CONFERENCE ON MULTIDISCIPLINARY STUDIES AND EDUCATION**». Which took place in London , 2026.

Conference proceedings are recommended for scientists and teachers in higher education establishments. They can be used in education, including the process of post - graduate teaching, preparation for obtain bachelors' and masters' degrees. The review of all articles was accomplished by experts, materials are according to authors copyright. The authors are responsible for content, researches results and errors.

Право быть самим собой как элемент конституционного права

Абдурашидов Абдулазиз Алишер Угли

Студент Ферганского юридического техникума.

г. Фергана, Республика Узбекистан

e-mail: Khabibman144@gmail.com

Конституция Республики Узбекистан гарантирует гражданам **свободу совести** (ст. 35: «Свобода совести гарантируется для всех. Каждый имеет право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой»[1]) и закрепляет светский характер государства (ст. 75). Вместе с тем в последние годы в Узбекистане появляются сообщения о фактических ограничениях религиозного самовыражения через одежду и внешний облик. В СМИ фиксировались случаи принудительного сбривания бороды полицейскими и требования снять хиджаб под угрозой увольнения[2]. Возникает актуальный вопрос о соразмерности подобных мер задачам безопасности и защиты прав личности. Цель настоящей статьи – провести комплексный правовой анализ оснований таких ограничений в Узбекистане и соотнести их с конституционными принципами и международными стандартами. Автор исследует конституционные и законодательные нормы, практику их применения, а также международный опыт, чтобы сформулировать выводы о правомерности существующих ограничений и возможных направлениях совершенствования правового регулирования.

В работе использованы традиционные методы юридического анализа. Применялись **нормативно-правовой метод** (изучение Конституции Узбекистана, законов и подзаконных актов, судебной практики), **сравнительно-правовой метод** (сопоставление узбекской практики с международной и зарубежной), **догматический анализ** (интерпретация правовых норм и доктринальных источников) и **системно-юридический метод** (оценка норм в единой системе права). При этом использовались принципы конституционного права – прежде всего верховенство Конституции, равенство и запрет дискриминации – а также международные стандарты, в том числе статья 18 Международного пакта о Гражданских и политических правах (МПГПП) и Общие комментарии Комитета ООН по правам человека.

Конституционные гарантии и ограничения. Конституция РУз закрепляет неприкосновенность частной жизни, свободу мысли, убеждений и вероисповедания (ст. 33–35, 31) и прямо запрещает принуждение к религии[1]. При этом ст. 26 Конституции (2023 г.) устанавливает, что **права и свободы могут ограничиваться только законом и лишь в целях защиты конституционного строя, общественной безопасности, здоровья, нравственности или прав других лиц**[3]. Любое ограничение религиозных проявлений (в том числе через одежду) должно соответствовать этим легитимным целям и критериям пропорциональности.

Законодательство об одежде и внешнем облике. Основным актом является Закон «О свободе совести и религиозных организациях» (1998, ред. 2021). Он закрепляет принципы светскости и равноправия конфессий, но при этом содержит **размытые формулировки**. Так, хотя Указ Президента (30.06.2021 № ЗП-650) символически разрешил ношение религиозной одежды в общественных местах, сам закон сохраняет положение, запрещающее гражданам (кроме служителей религий) «носить культовую одежду в общественных местах»[4]. Получается законодательная двусмысленность: культурно-религиозный атрибут официально запрещён, несмотря на формальное разрешение Указом[4]. С конца 2023 года в Кодекс об административных правонарушениях введена ст. 184-4 («нахождение в общественных местах в облике, не позволяющем идентифицировать личность»). Она предусматривает штрафы за полное или частичное сокрытие лица и головы (что фактически легитимирует санкции за закрытие лица или бороды)[5]. Таким образом, в узбекском законодательстве сосуществуют несколько подсистем ограничений: формальный запрет «культовой одежды» (Закон 2021 г.), запрет «неопознаваемого облика» (ст. 184-4 КоАП) и неформальные дресс-кодовые правила в госучреждениях. Особенностью правовой базы является **нечёткость терминов** («культовая одежда», «неопознаваемый облик» и др.) и отсутствие четких критериев «общественного порядка», что порождает риск произвольного применения норм[6].

На практике ограничения религиозного облика проявляются в разнообразных ситуациях. *Принудительное снятие бороды.* Несмотря на отсутствие прямого запрета на бороду в законе (и в Законе 2021 г.), в последние годы появились сообщения о случаях принуждения мужчин-мусульман сбрить бороду. По данным Human Rights Watch, «нет закона, запрещающего мужчинам носить бороду в Узбекистане», однако местные СМИ и правозащитники зафиксировали многочисленные инциденты насильственного сбыва бороды полицейскими[7]. Например, в 2021 г. сотрудники полиции в Ташкенте задерживали религиозно активных мужчин и приговаривали их к административному аресту, угрожая побрить бороду[8]. Аналогично в мае 2022 г. ряд освобожденных заключенных сообщали о давлении с требованием обрить бороду под угрозой ареста[9]. Хотя официально власти отрицают политику принуждения, подобные примеры указывают, что ст. 184-4 КоАП часто применяется выборочно к бороде как признаку «неопознаваемого облика»[10].

Запрет хиджаба в учебных и госучреждениях. Ещё до отмены формального запрета на ношение платков в 2021 г. в Узбекистане фиксировались административные и дисциплинарные меры против женщин в религиозной одежде. Так, по сообщениям СМИ, в октябре 2022 г. в одном из ташкентских родильных домов полицейский майор потребовал от медсестры снять хиджаб, пригрозив увольнением; женщина подчинилась и вскоре уволилась.

Похожая ситуация имела место и в других здравоохранительных учреждениях – по крайней мере несколько сотрудниц потребовали оформить отказ от ношения платка под страхом потери работы. В одном из случаев четыре студентки исламской академии в Ташкенте были отчислены за отказ снять хиджаб на занятиях. Эти эпизоды свидетельствуют, что даже при отсутствии формальных запретов некоторые работодатели или администраторы продолжают применять жёсткие ограничения, часто ссылаясь на нормы КоАП или внутренние регламенты.

Изменения и санкции. Вместе с тем в анализируемый период наблюдались попытки смягчения ограничений. Указ Президента 2021 г. формально разрешил ношение религиозной одежды в публичных местах[4], а после 2012 г. постепенно отменялся тотальный запрет хиджаба и бороды, введённый после событий 1999 г. Тем не менее в ряде организаций по-прежнему формально действуют негласные распоряжения, запрещающие «религиозный дресс-код» на территории учреждения. При этом за нарушение очень расплывчатых норм ст. 184-4 КоАП действительно иногда накладываются штрафы за «нарушение общественного облика», хотя оспорить такие штрафы почти невозможно[5].

С позиций конституционного права Узбекистана любые ограничения должны строго соответствовать нормам Основного закона. Так, ст. 21 Конституции гарантирует гражданину «свободное развитие личности»[11], а принуждение к единообразию одежды или изменению облика представляется прямым вмешательством в личную жизнь и убеждения (ст. 31, 33) без достаточного законодательного обоснования. Международное право раз и навсегда поставило защиту свободы совести в разряд фундаментальных прав: ст. 18 МПГПП провозглашает свободу мысли, совести и религии и признаёт, что никто не должен быть заставлен отказаться от своих религиозных убеждений или скрывать их внешнее проявление[12][13]. Применяемые в Узбекистане меры – принуждение снять религиозные атрибуты при отсутствии реально обоснованной угрозы – на первый взгляд выглядят несоразмерными. Даже ЕСПЧ в тех редких случаях, когда признаёт ограничения допустимыми, подчёркивает их взвешенный характер: например, дело *S.A.S. v. France (2014)* показало, что запрет полного закрытия лица не нарушает Конвенцию, лишь потому что Франция доказала наличие «цели общественной жизни вместе» (*l'exigence de vivre-ensemble*)[14]. При этом суд в каждом случае оценивает конкретную ситуацию: так, в деле *Leyla Şahin v. Turkey (2005)* ограничение хиджаба в университете было признано допустимым, но с серьёзной аргументацией принципов секуляризма и необходимости.

В целом **международные стандарты** требуют, чтобы выражение религии через одежду и обряды охранялось как элемент свободы совести, а любые ограничения были ясно предусмотрены законом и действительно обоснованы защитой публичных интересов[15][13]. Принципы ОБСЕ/ОДИР указывают,

что запреты должны быть чётко очерчены и недискриминационны. При анализе узбекской практики возникают вопросы именно с дискриминацией. Как отмечает HRW, официальные лица «по-прежнему рассматривают законное религиозное выражение как “экстремизм”», включая случаи ношения хиджаба и бород[16]. Иными словами, по сути защищаемые правом нормы применяются избирательно против представителей **одной традиционной религии – ислама**[17]. Такая ситуация вызывает сомнения с точки зрения конституционного принципа равенства (ст. 18 Конституции) и общепризнанного требования недискриминационного характера ограничений.

Международный опыт показывает: государства тщательно взвешивают необходимость вмешательства. Во Франции и др. страны ограничительные меры имели характер системного закона и были предметом широкого обсуждения; в Узбекистане же практика часто носит «несистемный» характер, сочетая штрафы по недетерминированной норме (ст. 184-4) с внутренними приказами. При этом сами правозащитники констатируют, что в масштабах международного права сегодняшнюю ситуацию в Узбекистане можно рассматривать как вызов: с одной стороны, происходят **прогрессивные изменения** (отмена ряда запретов 2012–2021 гг.), с другой – сохраняются существенные **неточности и противоречия**[16]. Все это указывает на необходимость соблюдения критериев необходимости и пропорциональности в ограничении религиозных прав, чтобы государственная политика не превращалась в неоправданное давление на верующих.

Правовой анализ показал, что узбекское законодательство формально гарантирует свободу совести и секулярный статус государства, однако в отношении религиозного облика граждан остаются значимые пробелы и противоречия[4][18]. Расплывчатые правовые нормы (запрет «культовой одежды», понятие «неопознаваемого облика» и др.) в сочетании с произвольной практикой применения ведут к несоразмерным ограничениям. Так, случаи принуждения снять религиозный атрибут обычно не сопровождаются доказательством реальной угрозы, что расходится с духом Конституции и международного права. По стандартам ООН, любые ограничения свободы вероисповедания должны быть «предусмотрены законом» и отвечать критериям необходимости и пропорциональности[15][3]. Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в ряде случаев в Узбекистане эти требования не соблюдаются.

Во избежание правовой неопределённости представляется целесообразным уточнить формулировки законодательства (например, дать чёткое определение «неопознаваемого облика»), а также обеспечить механизмы защиты граждан от необоснованных ограничений. Соблюдение принципов конституционного строя и международных обязательств подсказывает, что ст. 184-4 КоАП и практика запретов одежды следует

пересмотреть таким образом, чтобы они чётко соответствовали заявленным целям и реально служили общественной безопасности, не нарушая ядра права граждан **быть самими собой**. Уважение права на свободное выражение религиозной идентичности через внешний облик – это важнейшая гарантия достоинства личности и признака правового государства; только при строгом учёте принципа пропорциональности ограничения будут восприниматься как легитимные, а не подрывающие доверие к закону.

Источники(Sources) :

1. Конституция Республики Узбекистан (в ред. от 30 апреля 2023 г.). — Ташкент, 2023. — Национальная база законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz/docs/6445147>
2. Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» от 5 июля 2021 г. (в редакции 2021 г.). — Ташкент, 2021. — Национальная база законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz>
3. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (с учётом последней редакции по состоянию на 2023 г.). — Ташкент, 2023. — Национальная база законодательства Республики Узбекистан. — URL: <https://lex.uz>
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (ICCPR), 1966. — Статья 18. — United Nations. — URL: <https://www.ohchr.org>
5. Комитет ООН по правам человека. General Comment No. 22: *The right to freedom of thought, conscience and religion (Article 18)*. — UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.4, 1993. — URL: <https://www.ohchr.org>
6. Документы и комментарии ООН по свободе совести и религии (включая общие комментарии и рекомендации). — United Nations Human Rights mechanisms (серия документов). — URL: <https://www.ohchr.org>
7. Human Rights Watch. Отчёты и материалы по вопросам свободы совести и религии (выборочно). — Human Rights Watch, New York. — URL: <https://www.hrw.org>
8. Другие международные правозащитные организации: Amnesty International, International Crisis Group и др. — отчёты по свободе религии/вероисповедания (выборочно). — URL: соответствующие сайты
9. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (OSCE). *Guidelines on the Legal Personality of Religious or Belief Communities* / OSCE/ODIHR, 2014. — URL: <https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/d/c/436577.pdf>
10. Рекомендации ОБСЕ/ОДИНП и методические материалы по свободе религии и правовой личности религиозных общин (серия документов). — OSCE/ODIHR. — URL: <https://www.osce.org>
11. *Право быть самим собой как элемент конституционного права* [Электронный документ / аналитический материал]. — (автор/редактор: см. исходный файл). — Локальный файл: file://file_000000009ad071f4a442977e8959cb62.
12. Практика Европейского суда по правам человека (общая подборка по вопросам религии и выражения вероисповедания). — HUDOC / ECHR case-law (обзорные материалы). — URL: <https://hudoc.echr.coe.int>
13. European Court of Human Rights. *S.A.S. v. France*, Application No. 43835/11, Judgment 1 July 2014. — Документ и краткая справка в базе HUDOC. — URL: <https://hudoc.echr.coe.int>

14. Дополнительные ключевые дела ЕСПЧ по свободе религии и видимым проявлениям убеждений (подборка прецедентов, иллюстрирующих подход ЕСПЧ к ограничениям). — HUDOC / аналитические обзоры
15. Национальная практика и комментарии (аналитические материалы по реализации права на свободу совести в Республике Узбекистан). — сборники, статьи и отчёты (различные авторы). — URL/издательства по источникам.
16. Доклады международных правозащитных организаций по случаю отдельных инцидентов (Human Rights Watch и др.) — конкретные отчёты (указать при наличии точных названий/дат). — URL: <https://www.hrw.org> и другие
17. Статьи и монографии по проблематике свободы совести, религиозной политики и конституционного права (научные журналы, сборники): выборка отечественных и зарубежных публикаций. — (привести конкретику при необходимости).
18. Международные стандарты и руководства по соотношению прав и ограничений (принципиальные документы по пропорциональности, необходимость в демократическом обществе). — Совокупность документов ООН, ЕСПЧ, ОБСЕ
19. Сводные аналитические отчёты и мониторинги по свободе вероисповедания (региональные обзоры, годовые отчёты международных организаций). — (при наличии конкретных отчётов указать точные ссылки и годы).

